

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/175-188

Научная статья

© А. В. Головина, М. Н. Архипова

ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЕ КОНТРАКТЫ И ВКЛАДЫВАЕМЫЕ В НИХ РЕСУРСЫ В РОССИИ В 1991–1999 гг.

В статье обобщены результаты исследования изменения гендерного порядка в России в период кардинальной трансформации социальных устоев после падения Советского Союза и на протяжении формирования демократического и рыночного государства в 1990-е годы. В ходе полевой работы было собрано и проанализировано с помощью феноменологического анализа 52 нарратива, позволяющих получить представление о том, как трансформировались гендерные контракты и какие стратегии выбирали мужчины и женщины, чтобы адаптироваться к изменениям. В результате было установлено, что главенствующими женскими гендерными контрактами оставались контракты «домохозяйки» и «работающей матери». Однако транзитный период накладывал на них дополнительную нагрузку для обеспечения быта семьи, которая проявлялась в «инвестировании» значительного временного ресурса в поиск и приготовление продуктов, создание одежды, поддержание комфорта в месте проживания. В условиях кризиса ранее патерналистского государства существенная часть домашней работы оказалась переложена на женщин, вынужденных тратить на нее много сил и времени в ущерб качеству адаптации к рыночной экономике. В то же самое время мужчины в 1990-е годы получили доступ к гендерному контракту «предпринимателя», однако часто оказывались вынуждены жертвовать ради этого своей безопасностью и стабильностью. В тех случаях, когда мужчина не мог по разным причинам успешно встроиться в новые экономические реальности, он оказывался подвержен возможному кризису маскулинности.

Ключевые слова: гендерные контракты, гендерный порядок, «девяностые», транзитный период, кризис маскулинности

Ссылка при цитировании: Головина А. В., Архипова М. Н. Гендерный порядок в условиях трансформации: гендерные контракты и вкладываемые в них ресурсы в России в 1991–1999 гг. // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 175–188.

Головина Анна Владимировна — стажер-исследователь Центра прикладной истории, ИОН РАНХиГС (Российская Федерация, 119602 Москва, пр. Вернадского, 82 стр. 3). Эл. почта: golovina-av@ranepa.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1594-0244>

Архипова Марьяна Николаевна — к. и. н., старший преподаватель кафедры этнологии исторического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4); старший научный сотрудник Центра прикладной истории, ИОН РАНХиГС (Российская Федерация, 119602 Москва, пр. Вернадского, 82 строение 3). arkhipova-mn@ranepa.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-1292>

*Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательской работы Центра прикладной истории ИОН РАНХиГС «Социально-экономические реформы в контексте эволюции социальной структуры российского общества на рубеже веков».

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/175-188

Original Article

© Anna Golovina and Maryana Arkhipova

GENDER ORDER IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION: GENDER CONTRACTS AND RESOURCES INVESTED IN THEM IN RUSSIA IN 1991–1999

The article summarizes the results of a study of changes in the gender order in Russia during the period of radical transformation of social foundations after the fall of the Soviet Union and during the formation of a democratic and market state in the 1990s. During the fieldwork, 52 narratives were collected and analyzed using phenomenological analysis, which allowed us to get an idea of how gender contracts were transformed and what strategies men and women chose to adapt to the changes. As a result, it was found that the contracts of a “housewife” and a “working mother” remained the dominant female gender contracts. However, the transition period imposed an additional burden on them forcing them to “invest” a significant time resource in finding and preparing food, making clothes, maintaining comfort at home. In the context of the crisis of the previously paternalistic state, part of the care work was shifted to women, who were forced to spend a significant amount of time on it to the detriment of the quality of adaptation to the market economy. At the same time, men in the 1990s gained access to the gender contract of the “entrepreneur,” but often found themselves forced to sacrifice their security and stability. If, for various reasons, a man could not successfully integrate into the new economic realities, he found himself subject to a possible crisis of masculinity.

Keywords: *gender contracts, gender order, the nineties, transition period, crisis of masculinity*

Authors Info: **Golovina, Anna V.** — Research Intern at the Center for Applied History, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russian Federation). E-mail: golovina-av@ranepa.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1594-0244>

Arkhipova, Maryana N. — Ph.D. in History, Senior Lecturer, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Center for Applied History, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russian Federation). E-mail: arkhipova-mn@ranepa.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-1292>

For citation: Golovina, A. V., and M. N. Arkhipova. 2025. Gender Order in the Context of Transformation: Gender Contracts and Resources Invested in Them in Russia in 1991–1999. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 175–188.

Funding: The article was prepared as part of the research work of the Center for Applied History of the Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) “Socio-economic Reforms in the Context of the Evolution of the Social Structure of Russian Society at the Turn of the Century”.

Введение

Девяностые годы обычно рассматриваются в научной литературе как время трансформаций советского порядка, часто называемый транзитом — переходным периодом, наступившим после завершения существования недемократического политического режима (Карл, Шмиттер 2004: 10). Именно в эти годы в стране начался процесс многообразных реформ, призванных изменить как политические, так и экономические основы ее существования. В 1993 г. в России была принята новая Конституция, декларирующая установление правого демократического социального порядка.

Параллельно с этим происходили изменения и в повседневной жизни людей, их быте, а также в социальных взаимоотношениях. Частью этого процесса стал отказ от прошлых образцов поведения, транслирующих представление об идеале мужественности и женственности. Как отмечается в исследовании А. А. Темкиной и А. Роткирх, советские гендерные контракты в 1990-е годы потеряли свою актуальность (Темкина, Роткирх 2007: 11–12). В таком контексте ожидаемым была бы и постепенная демократизация этой части социальных норм, которая могла бы последовать за политическими и экономическими трансформациями, ведь это в полной мере соответствовало бы идее «переноса демократии» и прохождения общественно-го транзита (Растоу 1996: 5).

Тем не менее с течением времени становилось очевидно, что изменения происходят не так однонаправленно. Уже в 2003 г. политолог Т. Карозерс заключил, что «<...> большинство стран третьей волны, так и не пришли к хорошо функционирующей демократии или, очевидно, не развивают и не углубляют прогресса, пусть даже незначительного, достигнутого на начальном этапе» (Карозерс 2003: 48). Аналогичным образом и гендерный порядок не прошел кардинальной трансформации за это десятилетие, а некоторые исследователи даже обращают внимание на развитие в девяностые так называемого «нового традиционализма», который только декларировал идеи о равенстве полов, но на самом деле распространял эссенциалистские установки (Здравомыслова, Темкина 2007: 205–207). Критику концепции транзита высказывали и антропологи, призывающие к более внимательному качественному изучению опыта людей, переживших время трансформаций. В таком контексте и в русле появившихся из этой идеи посттранзитарных исследований, 1990-е годы могут рассматриваться не как время тотального отказа от советского опыта, но как период переосмысления коммунистического наследия и сохранения устоявшихся практик (Buyandelgeriyin 2008: 235–250), в том числе внутри гендерного режима. В связи с этим, особый интерес представляет анализ того, как сами жители страны описывали собственный опыт и какие изменения в гендерных контрактах они фиксировали. А также и то, за счет каких ресурсов эти изменения оказывались возможными и что их обеспечивало.

Последняя тема оказывается мало освящена в историографии по истории гендерного режима в этот период, при этом в отечественной историографии появляются работы о гендерных контрактах в российском обществе 2000-х гг. (Нартова 2008). Представленная статья призвана восполнить исследовательскую лауну, поскольку эта проблема во многом является ключевой для понимания изменений общества в 1990-е гг. Каждое из них приводило, с одной стороны, к предоставлению мужчинам и женщинам возможностей в поведении, которые могли быть закрыты для них ранее. Но, с другой стороны, новые возможности требовали отказа от некоторых устоявшихся практик или инвестиций ресурса для их реализации. При этом, ресурсы,

так же, как и возможности, мужчин и женщин могли существенно отличаться, что вносит значимое дополнение в понимание функционирования гендерных контрактов этого периода.

Таким образом, основная цель исследования состояла в выявлении различий между затрачиваемыми ресурсами мужчин и женщин в 1990-е годы на реализацию предписываемых гендерных контрактов. Основным методом исследования стала «обоснованная теория», которая применялась в отношении собранных полуструктурированных интервью. Для исследования в 2022–2023 гг. было проведено 52 полуструктурированных глубинных интервью, длительностью от 40 минут до полутора часов. В интервью принимали участие мужчины и женщины 1950–1970 г. р., проживавшие в 1990-е годы в Москве или Московской области. Каждый респондент предоставил информированное согласие на запись, расшифровку и использование интервью в научных целях.

Концептуальная рамка и методология исследования

Для того, чтобы подробно охарактеризовать ресурсы на реализацию гендерных контрактов, господствовавших в переходный период 1990-х годов, необходимо концептуализировать ключевые понятия и описать, какие феминные и маскулинные предписания исследователи считают характерными для этого времени. Сам термин «гендерный контракт» был предложен в рамках структурно-конструктивистского похода к гендеру Р. Коннел, который обращал отдельное внимание на то, как исторически создаются паттерны властных отношений между мужчинами и женщинами (Коннел 2015: 137). Подход Р. Коннел обращает внимание не только на социокультурный контекст закрепления гендерных ожиданий, но и на то, как они связаны с процессом производства, а также с реализацией сексуальности (Коннел 2015: 137). Именно в рамках этого направления и были осуществлены ключевые исследования гендерного режима как в советское, так и в раннее постсоветское время.

Социологи Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина выделили несколько этапов развития гендерного порядка в СССР. С их точки зрения 1950–1980-е годы стали временем частичной либерализации (Здравомыслова, Темкина 2003: 299–302), которое подготовило почву для изменений и 1990-х годов. Тем не менее, доминирующим гендерным контрактом оставался контракт «работающей матери», который предполагал наличие у женщины и семьи с ребенком, и постоянной занятости (Темкина, Роткирх 2007: 9). Мужские же контракты, как сообщает исследователь И. Кон, складывались под влиянием «гипермаскулинного милитаризованного государства» (Кон 2009: 137). Самым престижным в таких условиях становился контракт «фронтовика», однако он был недостижим для большей части мужчин, которые не попадали в места боевых действий. Так возникали факультативные маскулинности: контракты «спортсмена» или «романтика» (Кон 2009: 138), которые были доступны большей части советских мужчин.

В 1990-е годы эти устоявшиеся гендерные контракты столкнулись, с одной стороны, с теми вариантами феминных и маскулинных ожиданий, которые стали проникать в Россию из стран Европы и США (Темкина, Роткирх 2007: 11–12), а, с другой стороны, с тенденцией к индивидуализации личной жизни и формирования приватной от государства интимной сферы (Здравомыслова, Темкина 2009: 10). Появились

гендерные контракты, описываемые исследователями как контракты «карьерно-ориентированной женщины» и «домохозяйки», однако и контракт «работающей матери» сохранял свое влияние. Тем не менее, несмотря на то что общие тренды гендерного режима описаны исследователями (*Здравомыслова, Темкина 2007: 205*), в существующей по этому вопросу литературе не детализированы появляющиеся новые гендерные контракты для мужчин. Более того, серьезным ограничением можно считать дефицит информации о том, как именно реализовывались гендерные контракты в повседневной жизни и какие требования они предъявляли к людям, которые должны были прикладывать определенные усилия для соответствия общественным ожиданиям. Этот пробел в историографии во многом связан с недостаточной опорой на личные нарративы тех, кто переживал переходное время, и может на своем опыте показать воздействие гендерного режима на их жизнь.

Для восполнения этого дефицита было проведено исследование, обращающее ключевое внимание не только на содержание феминных и маскулинных ожиданий, но и на то, за счет каких ресурсов было возможно их удовлетворение. Источником для анализа стали материалы глубинных интервью, собранные в 2022–2023 гг. Всего было собрано и проанализировано 52 интервью (30 женщин и 22 мужчины, 1947–1981 г. р.), длительностью от 40 минут до полутора часов. Необходимо отметить, что интервью были направлены на получение информации о характере повседневной жизни респондентов в 1990-е годы и содержали в себе как вопросы общего характера (о быте, достатке, карьерных траекториях), так и более узкой направленности, в том числе о распределении ролей в семье, уходе за детьми и т. д. Все респонденты в 1990-е годы проживали в Москве и Подмосковье, что позволяет собрать достаточный достоверный объем материала о работе гендерных контрактов в двух регионах страны. Более того, респонденты находились в близости к переломным событиям 1990-х годов и могли острее, а также быстрее жителей более отдаленных частей России ощутить на себе воздействие транзитного периода и проводимых реформ. Также все респонденты обладают высшим или неоконченным высшим образованием, что могло стать фактором, как показывают исследования, влияющим на остроту переживания трансформации девяностых годов, так как для подобных людей этот период был связан со снижением их привычного уровня жизни (*Маслов 2022*).

Собранные данные глубинных интервью имеют и некоторые ограничения, которые важно учитывать (*Мартьянова 2018*). Во-первых, респонденты отражают опыт конкретной части страны, в то время как трансформации 1990-х в других регионах могли проходить с иными темпами, а в некоторых республиках могли также быть тесно связаны с изменениями в национальной политике или этническим самосознанием. Во-вторых, представители других социальных страт, например, люди со средним специальным образованием или те, кто в основном занимался сельскохозяйственной деятельностью, могли переживать иную трансформацию гендерных ожиданий. Важно помнить, что зафиксированный и проанализированный опыт показывает восприятие изменений гендерного режима образованными жителями урбанизированной среды и выводы о них не могут быть без ограничений распространены на другие социальные группы. В-третьих, полученные воспоминания в любом случае носят субъективный характер, хотя они могут восприниматься их носителями как в полной мере достоверные (*Magnussen et al. 2006: 595–613*). На некоторые из них значительное влияние может оказывать феномен ностальгии (*Абрамов 2012*:

5–23), способный придать более положительную окраску происходящему. Тем не менее, выбранный метод анализа результатов интервью позволяет получить представление о ключевых распространенных нарративах и выделить генерализованный опыт выбранной социальной группы.

Таблица 1

Категории и подкатегории, выделенные во время анализа

Тема	Категория	Подкатегория	Смыслы
Женщины	Бытовые задачи	Добыча продуктов	«ездили в Москву», «бегала в очереди»
		Бюджет	«больше управляли», «спросил жену»
	Предпринимательство	«продавали хлеб и продукты»	
	Домохозяйка	«домохозяйка», «занимается детьми»	
	Высокий заработок	«хорошо зарабатывала», «зарабатывать больше отца», «старались работали»	
Дети	Денежные сложности	«было слишком дорого», «стало ни о чем», «доплата превратилась в 0»	
	Помощь в работе	«могли помочь», «ездили с мамой», «подрабатывал»	
	Не утруждали детей	«не утруждала»	
Мужчины	Предпринимательство	«начал ездить», «ездил муж», «муж работал»	
	Зарботок	«единственный кормилец», «зарабатываю деньги»	
Безопасность	Меры предосторожности	«детей встречали», «обходите стороной», «выходить поздно», «опасно выходить», «дверь укрепляли»	
	Небезопасность детей	«детей встречали», «детская наркомания», «не отлавливали», «детей много на улице»	

Все собранные интервью были проанализированы с применением метода феноменологического анализа и последующей «конденсации смыслов». Как утверждает А. А. Пузырей, такой метод дает возможность информанту не только передать исследователю некоторую информацию, но буквально заговорить самостоятельно, со-

хранив значимые для него смыслы (Пузырей 1997: 148–165). После расшифровки первоначальных данных было проведено первичное кодирование, которое привело к выделению ключевых категорий — утверждений респондента, содержащих основную идею высказывания (Бусыгина 2009: 52–76), которые отражали представление о гендерном режиме 1990-х гг. Далее эти категории были унифицированы и детализированы. Содержание категорий описано в Табл. 1.

Основные результаты и наблюдения.

Гендерные контракты: новые, старые и измененные

Как было уже ранее описано в теоретических работах, 1990-е годы стали временем трансформации гендерных контрактов как для мужчин, так и для женщин. В советское время господствующим женским гендерным контрактом можно было считать контракт «работающей матери», предполагающий наличие у женщины, с одной стороны, семьи и ребенка, а с другой стороны — трудоустройства (Темкина, Роткирх 2007: 9). Однако полноценная его реализация была особенно затруднительна, так как женщины могли не успевать и качественно заниматься воспитанием, и построением своей карьеры. В результате чаще всего в реальности имел распространение так называемый «повседневный» гендерный контракт, допускавший обращение за помощью к дружеским и семейным связям, использования «блата», социальных сетей коммуникаций (Темкина, Роткирх 2007: 9), государственным учреждениям заботы (например, яслям или детским садам).

Результаты исследования показали, что контракт «работающей матери» оставался распространенным и в 1990-е годы. Так, респонденты неоднократно описывали то, как именно было устроено распределение ролей в семье, делая акцент на необходимости женщин не только заниматься воспитанием детей, но и зарабатыванием денег. Эта ситуация отягчалась тем обстоятельством, что этатрагический гендерный советский порядок, предполагавший переход части функций заботы к государственным институтам, был фактически деформирован экономическим упадком конца 1980-х — началом 1990-х годов и окончанием существования Советского Союза. Если ранее женщина, совмещавшая материнство с работой, могла положиться на поддержку власти, выражаемую в существовании системы яслей, детских садов, путевок в санатории и лагеря, то теперь она не была столь уверена в надежности и качестве предоставляемой государственной поддержки. Так, одна из респонденток отмечает:

«В 90-е годы та доплата потихонечку, та доплата, которая давалась мне на третьего ребёнка, превратилась в 0. Те 70 рублей, которые мне давали, когда у нас родился ребёнок... Мы прямо вот хлопали в ладоши, это было много. А потом постепенно за 2–3 года она сошла на нет полностью» (ПМА, Женщина, 1961 г. р., Москва).

Определенную распространенность получил гендерный контракт и женщины-домохозяйки, менее популярный в советское время. Так, некоторые респонденты отмечали, что в их семье в 1990-е годы задача зарабатывания денег стояла перед мужчиной, в то время как женщина брала на себя основную роль заботы о детях. При этом, как сообщают респонденты, не все мужчины могли адаптироваться к экономическим изменениям и найти занятие, которое бы помогло обеспечивать семью в «турбулентное» время. Так, некоторые карьеры, считавшиеся достаточно доходными и

престижными в советское время, в 1990-е перестали гарантировать безопасность. Например, работа в научно-исследовательских институтах, высшем образовании в целом, государственной службе. В нарративах подобное изменение положения мужчины в семье описывается как нетипичное и непривычное:

«Женщины старались, работали, а мужчины: “Я не могу, у меня не получается”» (ПМА, Женщина, 1957 г. р., Москва).

«В начале 90-х мама стала впервые в жизни зарабатывать больше отца. А потом начала зарабатывать и я» (ПМА, Женщина 1968 г. р., Москва).

Это могло приводить к негативным психологическим переживаниям, а также к тому, что может быть названо «кризисом маскулинности» или «срывом сценария мужественности» (*Тартаковская* 2002: 112–125). Исследователи гендера Е. Здравомыслова и А. Темкина отмечают, что еще в позднесоветском дискурсе кризис маскулинности стал метафорой для описания социальной болезни общества. Его началом можно считать появление в «Литературной газете» в 1968 г. статьи советского демографа Б. Ц. Урланиса «Берегите мужчин» (*Здравомыслова, Темкина* 2002: 432–451). В начале 1990-х годов ситуация невозможности полноценной реализации предписываемых мужчинам гендерных контрактов усугубилась экономическими и политическими изменениями. Отцам семей становилось сложнее оставаться успешными в мире, где они не могли в полной мере стать такими же, например, героями войны, какими были их отцы, или успешными бизнесменами, которыми успели к их возрасту стать мужчины из Европы или Америки, образ которых теперь был широко доступен на телевидении и в других медиа, а также перестал идеологически осуждаться (*Здравомыслова, Темкина* 2002: 432–451).

Некоторым выходом из ситуации кризиса маскулинности можно считать появление новых гендерных контрактов для мужчин, построенных на предпринимательстве и на участии в торговле и челночестве. Респонденты-мужчины неоднократно сообщали о том, как они пытались организовать бизнес, с той или иной успешностью. При этом предпринимательство оставалось доступным и для женщин, однако, как показывает анализ интервью, они чаще становились помощниками мужчин в этом, но не самостоятельными участниками рыночных отношений:

«А если возвращаться, когда у мужа там все развалилось, то он решил, я не помню уже как, все пришло к тому, что надо заниматься тоже каким-то предпринимательством. <...> А я почему знаю потому, что я переводила и мне порой стыдно было им переводить и я им начинала говорить, что вы хоть думайте, что вы говорите, люди не дураки сидят. В общем вот это было ужасно» (ПМА, Женщина, 1951 г. р., Москва).

«Сначала в Турцию, автобусом с собой везли. Я не ездила, ездил муж, а я уже здесь помогала с реализацией» (ПМА, Женщина, г. р. не указан, Москва).

Женщины могли брать на себя роль переводчика при переговорах, если они обладали знанием иностранных языков, или помощника в распределении привезенных товаров, однако сами редко участвовали в приобретении и доставке товара. Возможно, это было связано с небезопасностью такого занятия и сложностями в логистике перевозок. Однако в результате ограниченного доступа к предпринимательству как новому гендерному контракту женщины оказывались отрезаны и от нового способа повышения своего бла-

госостояния и получения навыков, обладающих большой важностью в рыночной экономике: пониманием принципов организации бизнеса, планирования бюджета и закупок и так далее. В тоже самое время, гендерный контракт «предпринимателя» позволял мужчине адаптироваться к измененной экономике, но и накладывал на них существенные обязательства за обеспечение успешности бизнеса как начинания, а также дополнительные риски, касающиеся безопасности или возможного нарушения законодательства.

Женщины, задействованные в воспитании детей, при этом также сталкивались с новыми вызовами. В 1990-е годы следование в том числе сценарию «матери-домохозяйки» предполагало организацию целой системы заботы в семье (Бороздина и др. 2019: 12), которая позволяла обеспечивать необходимыми продуктами и товарами близких в ситуации дефицита. В интервью респондентки неоднократно обращали внимание на то, что обеспечение семьи превращалось в полноценную и часто сложно выполнимую задачу:

«Ну, во-первых, мы жили в Чехове, продуктов не было. Колбаса, мясо мы ездили раз в две недели с мамой в Москву и закупались» (ПМА, Женщина, 1970 г. р., Московская область).

В ситуации, когда во многих магазинах не было базовых товаров, а добыча многих из них была сопряжена с долгими очередями, женщины тратили большое количество времени на то, чтобы собрать минимальную продуктовую корзину или найти конкретно ту одежду, которую семья могла себе позволить и которая была ей нужна. Отдельная сложность была связана с поиском так называемых «гендерно-маркированных товаров», то есть предметов быта, которые в большей степени нужны людям того или иного пола (например, как товары для ухода за младенцем — женщинам). В 1990-е годы многие из таких вещей оказались практически недоступными или очень дорогими, а другие необходимо было приобретать только в магазинах, размещенных далеко от места проживания:

«У них как раз родилась моя сестра, для кормления которой были необходимы детские смеси, достать которые было крайне сложно» (ПМА, Женщина, 1973 г. р.).

«И получается дадут одни сапоги, а у нас женщины все модные, красивые. И мы бросаем пять карандашей зеленых и один красный, и все становились врагами после. Никто не разговаривает, кому досталось, кому нет» (ПМА, Женщина, 1950 г. р., Московская область).

Во многом стремление к приобретению таких товаров, если оно не касалось ухода за ребенком и удовлетворения его базовых потребностей, могло быть связано с тем, что исследователи называют «третьей сменой» — необходимостью ухаживать за собой и поддерживать привлекательный внешний вид (Fahs, Swank 2016: 46–69). В ситуации общего дефицита эта обязанность могла не ощущаться как непростая нагрузка, но ее существование отличает женские нарративы от мужских.

Гендерные контракты и затрачиваемые на их обеспечение ресурсы

В результате анализа нарративов респондентов было установлено, что женщины и мужчины затрачивали различные ресурсы на реализацию описанных выше старых и новых гендерных контрактов. Так, женщины чаще всего отмечают, что «расплачи-

вались» за реализацию своей гендерной роли временем, которое они тратили либо на поиск и приобретение необходимых товаров и нахождение в очередях, либо на то, чтобы самостоятельно поддерживать комфортный быт и уровень жизни (например, делать маленький косметический ремонт; подшивать или изготавливать одежду; готовить из ограниченного набора продуктов или выращивать овощи и фрукты самостоятельно).

«...Я себе шила. У меня даже какие-то сейчас на даче вещи валяются, появились вот эти журналы «Бурда» первые, самые журналы с модой. В киоске идешь, видишь «Бурда», быстрее ее покупаешь, несешь домой, выкройки». (ПМА, Женщина, 1970 г. р., Московская область).

В некоторых случаях затраты времени на ожидание в очереди могли приводить и к слабости или ухудшению здоровья:

«Сын же взял на себя магазины, когда я почти падала в обмороки» (ПМА, Женщина, 1957 г. р., Москва).

Вторым ресурсом, который активно использовался женщинами для более простой реализации гендерных контрактов, становились социальные связи: в ситуации кризиса этатрагического гендерного порядка, взаимопомощь между женщинами или поддержка от других членов семьи могла заменить собой временно отсутствующие эффективные государственные институты. Близкие и знакомые становились ценным источником информации, которые позволяли экономить время в поиске нужных товаров и в осуществлении заботы над семьей и детьми.

«Что-то купить для детей — это было сарафанное радио. Ой, там выкинули в Детском мире то-то, давайте быстрее бегите. Или в этом магазине выбросили сапоги, если тебе повезло, ты успел, купил классные сапоги финские. В этом плане товары были неплохие, качественные» (ПМА, Женщина, 1968 г. р., Московская область).

Мужчины, которым, по их рассказам, не надо было тратить временной ресурс на поиск продуктов или обеспечение быта, могли инвестировать его либо в расширение своих карьерных возможностей, либо в занятия предпринимательской деятельностью и повышение своих доходов. Однако использование этой возможности также было связано с вложением ресурса, который может быть определен через «безопасность». Обращаясь к статистическим данным, можно отметить общий рост преступности в стране к началу «шоковой терапии»: так, к 1992 г. официальный показатель преступности на 80% превысил показатели 1988 г. (Андриенко 2001: 198). На протяжении 1990-х годов уровень преступности постепенно возрастал, наибольший прирост показали такие деяния как убийство (104%), разбой (139%) и грабеж (58%) (Андриенко 2001: 198). В своих нарративах респонденты-мужчины, начавшие заниматься бизнесом, неоднократно подчеркивали, как рискованность такого занятия, так и общий уровень криминализованности отдельных сфер (например, торговли):

«Я впервые тогда столкнулся с бандитами, я узнал, что такое **бригадир** и я начал организовывать мероприятия для бандитов, для ментов, которые их крышевали» (ПМА, Мужчина, 1972 г. р., Москва; авторское выделение)

«Если у тебя бизнес теневой, к тебе приходят люди, которые говорят: “Друг мой, ты зарабатываешь, надо делиться”. А куда ты пойдешь, у тебя же фактически нету никакого бизнеса» (ПМА, Мужчина, 1970 г. р.).

«Да, просто откровенно они все сидели как бы, что их **крышует** местный какой-то авторитет...» (ПМА, Мужчина, 1959 г. р., Москва, авторское выделение).

Респонденты неоднократно упоминали распространенность «крышевания» — особой практики установления покровительства, которая предполагает получение дохода за обеспечение безопасности предпринимательской деятельности. В таком случае контакт с лицами, совершавшими противоправные действия, позволял избежать личной небезопасности, но одновременно с этим обуславливал ее доброжелательными взаимоотношениями с отдельными представителями противоправного «мира». В историографии такие практики описываются как «силовое предпринимательство» (Волков 2020), т. е. превращение организованной силы в источник постоянного дохода путем установления контроля над экономическими агентами. Как отмечает В. В. Волков, распространение этой проблемы можно связать с общим кризисом государственной власти, которая оказалась не способна обеспечить гегемонию на использование экономического богатства и применение силы.

При этом респонденты отмечали, что в обеспечении собственной безопасности и противодействии преступности обращение в правоохранительные органы не могло стать решением проблем. Та силовая структура, которая должна была обеспечивать соблюдение закона и защиту граждан, сама становилась участником конкуренции на новом строящемся капиталистическом рынке, движимая желанием к экономическому обогащению. При этом деятельность характер деятельности полиции мог не отличаться от действий банд, так же как и язык респондентов, используемый в ее отношении:

«Наверное, больше всего мы боялись бандитов и полицию, которая тебя могла остановить, ограбить, избить, либо тебя могли посадить, либо тебе могли подсунуть наркотики. Почему я на это акцентирую внимание, потому что у меня три знакомых человека — вот таким образом их жизнь изменилась после встречи с полицейскими. Да это был тогда страх. <...> Полиция перестала заниматься правопорядком, стала грабить» (ПМА, Мужчина, 1972 г. р., Москва).

В некоторых случаях правоохранительные органы вызывали даже большее опасение, так как они обладали и институциональной властью, позволяющей воздействовать на человека и посредством ареста или потенциального уголовного/административного преследования.

Таким образом, повышенное ощущение небезопасности, необходимость в некоторых случаях участвовать в коммуникации с правоохранительными органами или представителями группировок, риск потери бизнеса и финансовых вложений становились теми ресурсами, которые мужчины инвестировали в возможную успешную реализацию гендерного контракта «предпринимателя». Это позволяло им полноценно включаться в формирующиеся рыночные механизмы и обретать навыки, обеспечивавшие материальное благополучие семьи. В то же самое время, мужчины, которые были не готовы вкладывать такие ресурсы в собственную карьеру, находились под угрозой переживания т. н. «кризиса маскулинности» из-за возможных сложностей в обеспечении семьи. Женские гендерные контракты требовали вложения таких ресурсов как время и социальные связи (поддержание и выстраивание которых также может быть рассмотрено как вариация «инвестирования времени»), при этом в случае выбора гендерного контракта «работающая мать» или «домохозяйка» у них не было возможности в достаточной мере участвовать в предпринимательстве и начинать собственный бизнес.

Заключение

1990-е годы в России стали временем изменения гендерных норм: трансформации ранее устоявшегося этакратического порядка и появления новых сценариев поведения как для мужчин, так и для женщин, которые, в то же самое время, не только предоставляли новые возможности, но и накладывали определенные обязательства. Для женщин главенствующими гендерными контрактами оставались контракты «работающая мать» и «домохозяйка». Однако некоторые из них получили возможность встроиться в формирующуюся рыночную экономику за счет участия в предпринимательской деятельности супруга или самостоятельной частичной занятости в мелкой торговле. Тем не менее, основные силы многих респондентов оказались направлены на обеспечение достойного бытового уровня жизни семьи в период экономической нестабильности и дефицитов. Это вынуждало их вкладывать время в качестве основного ресурса в поддержание эффективной реализации гендерного контракта. Со своей стороны, мужчины в 1990-е годы получили возможность реализовывать контракт «предпринимателя»/«бизнесмена». В случае успеха мужчина мог повысить собственный и семейный материальный достаток, а также продуктивно встроиться в рыночную экономику. Но следование этому сценарию могло поставить под угрозу физическую безопасность человека из-за высокой криминогенности в государстве в 1990-е годы, а также вынудить постоянно идти на риск для достижения успеха. Те же мужчины, которые оказывались не способны справиться с денежным обеспечением себя и близких, сталкивались с кризисом маскулинности, который лишь усугублялся из-за падения доходности и авторитетности ряда ранее престижных профессий (например, научной или исследовательской работы).

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы авторов (2022–2023 гг.)

Научная литература

- Абрамов Р. Н.* Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
- Андриенко Ю. В.* В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2001. Т. 5. №. 2. С. 194–220.
- Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А.* Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы: перекрёстки социального неравенства: сб. ст. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 2019. С. 6–23.
- Бусыгина, Н. П.* Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2(61). С. 52–76.
- Волков В. В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2020. 350 с.
- Здравомыслова Е. А., Роткирх А., Темкина А. А.* Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 7–32.

- Здравомыслова Е., Тёмкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже (N) ственности / ред. и сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение. 2002. С. 432–451.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Неотрадиционализм(ы) — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 205–207.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003, 1, 3–4. С. 299–302.
- Карл Т. Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 6–27.
- Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.
- Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
- Коннел Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. 432 с.
- Мартыанова Н. А. Глубинные интервью в современной социологической методологии // ООО «Маркер»: Наука сегодня: проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях, 2018. С. 115–117.
- Маслов Д. В. От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (середина 1980-х — 1990-е гг.). М.: Научно-политическая книга, 2022. 359 с.
- Нартова Н. А. Гендерный контракт современного российского общества и неконвенциональные гендерные идентичности // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 56–64.
- Пузырей А. А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // Вопросы методологии. 1997. № 3–4. С. 148–165.
- Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 5–15.
- Тартаковская И. Н. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112–125.
- Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 11–12.
- Buyandelgeriyin M. Post-Post-Transition Theories: Walking on Multiple Paths // Annual Review of Anthropology. 2008. Vol. 37. P. 235–250. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.37.081407.085214>
- Fahs B., Swank E. The Other Third Shift? Women's Emotion Work in Their Sexual Relationships // Feminist Formations. 2016. Vol. 28. № 3. P. 49–69. <https://doi.org/10.1353/ff.2016.0043>
- Magnussen S. et al. What People Believe About Memory // Memory. 2006. Vol. 14. № 5. P. 595–613.

References

- Abramov, R. N. 2012. Vremya i prostranstvo nostal'gii [Time and Space of Nostalgia]. *Sociologicheskij zhurnal* 4: 5–23.
- Andrienko, Yu. V. 2001. V poiskakh ob"iasneniia rosta prestupnosti v Rossii v perekhodnyi period: kriminometricheskii podkhod [In Search of an Explanation for the Rise in Crime in Russia During the Transition Period: A Criminometric Approach]. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* 5 (2): 194–220.
- Borozdina, E., E. Zdravomyslova, and A. Temkina. 2019. Zabota v postsovetском prostranstve mezhdru paternalismom i neoliberalizmom: feministskie issledovaniia [Care in the Post-Soviet Space Between Paternalism and Neoliberalism: Feminist Research]. In *Kriticheskaiia sotsiologiiia zaboty: perekrestki sotsial'nogo neravenstva* [Critical Sociology of Care: Crossroads of Social Inequality], ed. by E. Borozdina, E. Zdravomyslova, A. Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 6–23.
- Busygina, N. P. 2009. Fenomenologicheskoe opisaniie i interpretatsiia: primery analiza dannykh v kachestvennykh psikhologicheskikh issledovaniiax [Phenomenological Description and In-

- terpretation: Examples of Data Analysis in Qualitative Psychological Research]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* 2(61): 52–76.
- Buyandelgeriyn, M. 2008. Post-Post-Transition Theories: Walking on Multiple Paths. *Annual Review of Anthropology* 37: 235–250. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.37.081407.085214>
- Fahs, B., and E. Swank. 2016. The Other Third Shift? Women's Emotion Work in Their Sexual Relationships. *Feminist Formations* 28 (3): 49–69. <https://doi.org/10.1353/ff.2016.0043>
- Karl, T. L., and F. Shmitter. 2004. Demokratizatsiia: kontsepty, postulaty, gipotezy (Razmyshleniia po povodu primenimosti tranzitologicheskoi paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformatsii) [Democratization: Concepts, Postulates, Hypotheses (Reflections on the Applicability of the Transiological Paradigm in the Study of Post-Communist Transformations)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 4: 6–27.
- Karozers, T. 2003. Konets paradigmy tranzita [The End of the Transit Paradigm]. *Politicheskaia nauka* 2: 42–65.
- Kon, I. 2009. *Muzhchina v meniaiushchemsia mire* [A Man in a Changing World]. Moscow: Vremia. 496 p.
- Konnell, R. 2015. *Gender i vlast'. Obshchestvo, lichnost' i gendernaia politika* [Gender and Power. Society, Personality and Gender Politics]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 432 p.
- Magnussen, S. et al. 2006. What People Believe About Memory. *Memory* 14 (5): 595–613.
- Maslov, D. V. 2022. *Ot sovetskogo cheloveka k rossiianinu: reformy i sotsial'naia evoliutsiia individa (seredina 1980-kh — 1990-e gg.)* [From Soviet Man to Russian: Reforms and Social Evolution of the Individual (mid-1980s — 1990s)]. Moscow: Nauchno-politicheskaia kniga, 359 p.
- Nartova, N. A. 2008. Gendernyi kontrakt sovremennogo rossiiskogo obshchestva i nekonvetsional'nye gendernye identichnosti [Gender Contract of Modern Russian Society and Non-Conventional Gender Identities]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* 3: 56–64.
- Puzyreĭ, A. A. 1997. Manipulirovanie imaĭevtika: dve paradigmy psihotekhniki [Manipulation and Maieutics: Two Paradigms of Psychotechnics]. *Voprosy metodologii* 3–4: 148–165.
- Rastou, D. A. 1996. Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli [Transitions to Democracy: An Attempt at a Dynamic Model]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 5: 5–15.
- Tartakovskaia, I. N. 2002. Muzhchiny na rynke truda [Men in the Labor Market]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 3: 112–125.
- Temkina, A. A., and A. Rotkirkh. 2007. Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Modern Russia]. *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod*: 11–12.
- Volkov, V. V. 2020. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power Entrepreneurship, 21st Century: Economic and Sociological Analysis]. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 350 p.
- Zdravomyslova, E. A., A. Rotkirkh, and A. A. Temkina. 2009. Vvedenie. Sozdanie privatnosti kak sfery zaboty, liubvi i naemnogo truda [Creating Privacy as a Sphere of Care, Love and Wage Labor]. In *Novyi byt v sovremennoi Rossii: gendernye issledovaniia povsednevnosti* [New Everyday Life in Modern Russia: Gender Studies of Everyday Life], ed. by E. A. Zdravomyslova, A. Rotkirkh and A. A. Temkina. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 7–32.
- Zdravomyslova, E., and A. Temkina. 2002. Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [The Crisis of Masculinity in Late Soviet Discourse]. In *O muzhe (N) stvennosti* [On Masculinity], ed. by S. Ushakin. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 432–451.
- Zdravomyslova, E., and A. Temkina. 2007. Neotraditsionalizm(y) — transformatsiia gendernogo grazhdanstva v sovremennoi Rossii [Neotraditionalism(s) — Transformation of Gender Citizenship in Modern Russia]. In *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russia's Gender Order: A Sociological Approach], ed. by E. Zdravomyslova and A. Temkina. Saint Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. 205–207.
- Zdravomyslova, E. A., and A. A. Temkina. 2003. Gosudarstvennoe konstruirovaniie gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 1(3/4): 299–302.